

Жар и пыль проникали в казармы.

«Мы будем нейтрализовать лидера SISS, группировки суннитских мусульман. У нас в общей сложности пять подразделений и сорок девять человек, включая нас, а враги вооружены индивидуально. Их силы, по оценкам, составляют от 350 до 500 человек».

Командир Шарлан объяснил сегодняшнюю операцию, указывая на карту своей дубинкой.

«Что он сказал?» — спросил Даеру. Французский у алжирца был не очень хорош, поэтому он задал вопрос на английском, который он знал немного лучше.

«Заткнись», — Кан Чхан моментально оборвал его грубым ответом.

«3-е подразделение будет расчищать путь и прикрывать нас. Помните об этом — единственная цель — вражеский лидер Масалан. Как только цель будет нейтрализована, выходите из боя. Игнорируйте всех остальных врагов».

«Чанни?»

«Тс».

Кан Чхан поднял руку, как бы собираясь ударить Даеру.

Даеру пригнулся и закатил свои большие глаза.

«Выход через 30 минут. Есть вопросы? Да, Кан Чхан?»

Сразу после того, как он закончил говорить, Шарлан кивнул Кан Чхану подбородком. Все взгляды устремились на Кан Чхана.

«Время отступления такое же, как и раньше?» — спросил Кан Чхан на беглом французском.

Шарлан без колебаний кивнул.

Это означало конец инструктажа по операции. До вылета оставалось полчаса; этого было достаточно, чтобы проверить снаряжение и выкурить сигарету.

«Чанни!»

Руки Даеру, выглядывающие из его безрукавки, были такими же толстыми, как бедра Кан Чхана. Он был лысым алжирцем с большими глазами. Из-за его темного цвета кожи его глаза и белые зубы сияли особенно ярко.

Когда Даеру злился, его благоразумие уходило на задний план. Из-за этой особенности характера он был абсолютным неудачником. Даже тогда он ничего не мог поделать с Кан Чханом, капитаном подразделения. Это было потому, что Кан Чхан был более злобным, чем он.

«Дае!»

«Да».

«Убей. И отступи, когда я тебе скажу. Понял? Убей! Я дам сигнал! Отступить! Понял?»

«Хорошо!»

За десятки совместных боев, как больших, так и малых, Даеру всегда следовал за Кан Чханом. Поскольку Даеру не мог понять быстрые инструкции на французском языке, исходившие из рации, четкие и простые объяснения и инструкции Кан Чхана были его единственным спасательным кругом.

Чи-ик!

«Пора идти».

Кан Чхан поднялся, как только услышал приказ командира отряда, и члены его подразделения последовали его примеру. В каждом подразделении должно было быть двенадцать человек; в подразделении Кан Чхана был корейский капитан — он сам, трое алжирцев, один австралиец, два американца и два французских солдата, так что ему не хватало трех человек.

Официальным языком был французский, и хотя знание языка было самым важным тестом, Кан Чхан настоял на том, чтобы пропустить Даеру и в конечном итоге привести его в Африку.

Африканские ветры были сухими и жаркими. При вдохе казалось, что жара расплавит внутреннюю часть носа и легких, поэтому закрывание носа и рта шарфами казалось охлаждающим.

Примерно за 20 минут до того, как они добрались до места назначения, Кан Чхан достал из кармана сигарету и поднес ее ко рту.

Клад. Чт. Чт. Чт-ит.

Бензин в зажигалках Zipro часто испарялся в жаркий день, поэтому люди часто обжигались, а были случаи, когда карманы загорались из-за трения волокон. Таким образом, в таких местах жидкость для зажигалок Zipro смешивали с керосином. Их было труднее зажечь, но в любом случае это было лучше, чем исчерпать жидкость для зажигалок и вообще не иметь возможности их использовать.

«Хуу». Кан Чхан глубоко выдохнул сигаретный дым.

«2007».

Всякий раз, когда он шел в бой, он не хотел привыкать считать дни, поэтому он намеренно снова и снова вспоминал год. Это началось как обещание самому себе, что он не станет человеком, живущим изо дня в день, но теперь это стало привычкой.

«Капитан».

«Что?»

Кан Чан был настолько привык к тому, чтобы говорить по-корейски, что если только это не происходило при особых обстоятельствах, он говорил по-корейски. И как ни странно, эмоции точно передавались в экстренных ситуациях.

"Сегодня гарем, окэй?"

"Пока не окэй!"

Смитэн был невежественным американцем. Он всегда говорил о своей мечте жениться на симпатичной француженке, построить ранчо и виноградник и открыть свою собственную

винодельню. Однако никто из его товарищей не верил, что он сможет осуществить свою мечту. Его недостатком было то, что он слишком любил женщин, а достоинством — то, что его товарищи могли спокойно отдыхать, пока он отправлялся на поиски женщин.

"Стоп!"

Услышав, как Кан Чан пробормотал это слово про себя, все члены его отряда прекратили двигаться, как будто они застыли.

Это была степь. До сухого сезона оставалось еще какое-то время, поэтому там и там все еще росли кусты.

Кан Чан бросил сигарету на землю и наступил на нее, быстро осматривая окрестности.

"Что это за чувство?"

Самой неоспоримой причиной, по которой Кан Чан смог выжить на этой жестокой земле до сих пор, а также причиной, по которой члены его отряда верили в его слова, а не в оружие, было его шестое чувство — предчувствие, которое он испытывал прямо сейчас.

2 км до места назначения.

Члены его отряда лихорадочно осматривали местность, изо всех сил пытаясь найти причину реакции Кан Чана.

"Эй, Малков!"

Кан Чан повернулся лицом к Малкову и указал указательным и средним пальцами на собственные глаза, а затем жестами указал на свои 10 и 2 часа. Он говорил Малкову смотреть в те стороны с помощью бинокля.

"Нет, Ченни". Малков покачал головой.

"Что?"

Если кто-нибудь из солдат не примет участия в операции без объяснения конкретной причины, их депортируют, если им повезет, а если не повезет, то возможна и смертная казнь.

Тук-тук. Тук-тук.

Но что же заставило его чувствовать себя таким беспокойным, что его сердце колотилось?

Кан Чан сделал глубокий вдох. Он сложил указательный и средний пальцы вместе и обозначил каждую из их позиций, начиная с левой. Увидев его жесты, бойцы быстро переместились, словно уже вступили в бой с противником.

Бах! Бах! Бах!

Словно в сцене из фильма, даже Смитэн побежал и прыгнул за относительно голое дерево, которое почти все обнажало за собой.

"Этот ублюдок!"

Увидев, как пыль за спиной Смитен поднимается, словно факел, Кан Чан дважды вдохнул,

чтобы подавить свое убийственное намерение. Теперь оставался только Даеру.

"Дае".

Поскольку окончания в имени Даеру звучало по-японски, Кан Чан стал называть его коротко "Дае", и в какой-то момент остальные члены отряда тоже стали называть его так же. Даеру поспешил к Кан Чану, покачиваясь влево-вправо.

Глаза Кан Чана блестели, освещая его обожженное солнцем лицо. Он был азиатом с худым лицом и большими глазами, а также стройного телосложения. Из-за недооценки его способностей не один-два человека оказались в плачевном состоянии. Конечно, по мере распространения слухов о нем никто больше не задирал с ним драку.

"Убивать при виде", - сказал Кан Чан.

"При виде?"

На самом деле слова "убивать при виде" вырвались из уст Кан Чана. Само собой разумеется, что он сказал это по-корейски.

Даеру провел последние пять лет вместе с Кан Чаном, и поскольку это был всего лишь седьмой раз, когда он слышал эти слова, это означало, что сегодняшний день действительно будет тяжелым.

Он кивнул и подумал о том, что корейцы чрезвычайно безжалостны. Его понимание слов "при виде" заключалось в том, что он должен убить абсолютно всех. Какие люди живут по такому принципу?

"Почему ты не двигаешься?"

Даеру бросился на назначенную ему позицию.

"Хмм".

Кан Чан заставил восемь членов своего отряда расположиться полукругом, с Даеру в центре, и присел позади него.

"Раз нам в любом случае крышка, то лучше не сожалеть об этом".

Командир задумался, а сделал ли он правильный выбор. В любом случае, депортация была почти гарантирована из-за совершенных ими в прошлом преступлений. Лучше уж быть уволенным, чем погибнуть со всеми своими людьми на этой проклятой земле.

Поначалу Кан Чан думал, что сбывающиеся предчувствия были простыми совпадениями. Однако он изменил свое мнение после того, как проигнорировал их и в результате встретился лицом к лицу со смертью. Потеря нескольких соратников очень действенно убедила его доверять своей интуиции.

Пиу! Пиу! Пиу! Пиу!

В этот момент раздались резкие звуки, будто что-то рассекало воздух.

«Чанни!»

Уронив бинокль на землю, Малков позвал Кан Чана. Тот уже и сам все видел.

Почти все их союзники, которые бродили вокруг, были застрелены снайпером.

«Черт».

Это была ловушка. Они угодили в нее по полной.

«Какой ублюдок?!»

Если это так, то информацию, должно быть, слил кто-то из своих. Кан Чан быстро обернулся и посмотрел назад. Враги приближались к ним издалека. Их окружили, словно рыбу, которую тащит в сеть.

«Слушайте!» В такие моменты Кан Чан всегда говорил по-корейски.

«Уничтожить на месте!» Кан Чан окинул взглядом товарищей. «Отступаем к Альфа Кило! Повторяю: отступаем к Альфа Кило!»

Это было укрытие, которое Кан Чан назначил до их выхода. Кан Чан делал так с тех пор, как его назначили капитаном, поэтому естественно, что штаб не знал об этом месте. Они были всего лишь наемниками, и если они упустят возможность отступить, их никто не спасет.

Поэтому Кан Чан всегда назначал отдельное место и ждал там, прежде чем присоединиться к своим людям по отдельности. Вот почему он так и остался всего лишь капитаном отряда, несмотря на все свои большие заслуги, вот почему его отряд слушал его приказы, даже если это означало риск для их жизней.

«Чанни!»

Когда Кан Чан повернул голову, он увидел, что глаза Даеру горят злобным огнем.

«Сегодня ни-ка-кой?»

«Убьем их всех!»

Даеру широко открыл рот, обнажив свои белые зубы. Это означало, что он понимал, почему Кан Чан идет на такие меры.

Кан Чан быстро отвел взгляд. Они были так близко к врагу, что им оставалось сделать всего десять шагов, чтобы различить лица противников. Это были без сомнения сунниты, поскольку они прикрывали лица платками, а концы чалмы заворачивали под подбородок слева направо.

«Монт!»

Кан Чан сложил два пальца и указал в сторону 11 часов по своим наручным часам. Имя француза было слишком длинным, чтобы выкрикивать его целиком во время боя, поэтому Кан Чан называл его коротко «Монт». Как только он показал на врага, несущего противотанковый гранатомет, их превосходный снайпер, Монтешель, мастерски прицелился из своей винтовки.

Вжуух!

«Эй! Ты не умеешь стрелять!»

«Je suis desolé» (Мне жаль.)

Дзынь. Вжууух!

Когда в воздух поднялась пыль, противник с гранатометом распростерся на земле. В то же время из-под ног Кан Чана брызнули комья земли. Он быстро схватил свою винтовку и спустил курок.

Вжууух!

Знакомый запах пороха ударил ему в нос, и объект его выстрела тут же упал на землю.

Та-та-та-та-та-та-вжууух!

Одновременно со всех сторон раздались всевозможные выстрелы, отчего у него заложило уши.

«500 человек».

Вжууух!

Каждый раз, когда он нажимал на курок, противники падали один за другим.

«У нас достаточно патронов».

Кан Чан перевернулся на спину и приподнялся только верхней частью тела.

«Монт!»

Он поднял указательный палец левой руки и обхватил им три пальца правой. Тактика была смехотворно проста – трое из них должны были прикрывать и защищать снайпера, Монтешеля. Если кто-то погибал, они клали его винтовку, подпирали его тело и использовали его в качестве прикрытия.

Перевернувшись обратно на живот, Кан Чан продолжал нажимать на курок.

Вжууух! Вжууух! Вжууух!

Выстрелы в этой проклятой дыре раздавались, словно черт в ступе ходит.

Кан Чан нажимал на спусковой крючок как можно быстрее. Его сердце бешено колотилось, что-то было не так.

— Черт!

В следующую секунду он услышал крик Смитена. Но сейчас не было времени для того, чтобы обернуться и проверить. Его задача была прикрывать товарища, который находился рядом. Каждый из них должен был убить еще по одному, прежде чем все их враги рухнут на землю и найдут укрытие.

Монтешель целился в головы с тяжелым вооружением и в тех, кто лежал лицом вниз, в то время как другие члены их отряда убивали тех, кто подходил близко.

70 м.

Тааан! Таааан! Таааан!

Кан Чан услышал какую-то болтовню на другой стороне, затем враги легли и перестали наступать. Наконец Кан Чан опустил дуло своего оружия и пополз к Смитену, стараясь держаться как можно ближе к земле.

— Черт возьми! Тебе больно?

Смит задыхался и смотрел на Кан Чана. Другой алжирец, Абсала, сильно давил на правую часть живота Смитена, но из-под пальцев просачивалась красная кровь.

— Тебе нужен морфин?

— Никакого морфия, Ченни. Ух... ух...

Если входное отверстие раны в его животе было таким ужасным, то выходное должно быть размером с ладонь, а это значит, что пуля, по сути, вырвала его внутренние органы.

Кан Чан снова осмотрел их окрестности, думая, как остановить кровотечение Смитена.

— Ченни.

Когда Кан Чан повернул голову, Смитен взглянул на него с совершенно невинным выражением, изо всех сил пытаясь ухватиться за слабую надежду.

— Со мной всё в порядке?

— Глупец. Кто я? Смит. Кто. Я?!

Смит широко улыбнулся.

— Бог. Ух... ух... Блэкфилда. Ух! Ух... — он едва закончил говорить, прежде чем сделать глубокий вдох.

Абсала посмотрел на Кан Чана.

Я знаю. Ему осталось недолго.

Кррррреунг!!!

В этот момент в их окрестностях раздался громкий механический рев.

— У них даже танк есть?

Но его сердце всё еще бешено колотилось. Другими словами, за углом таилось еще больше опасности. Настал момент принимать решение.

— Будем наступать прямо.

Кан Чан был готов идти к базе врага, где прятался их лидер. Он собирался объяснить своим людям ситуацию...

Бах!

Раздался глухой звук, и весь мир окрасился в белый цвет.

— Черт...

Было так больно, словно его голову и шею раздирали на части.

Его глаза резал яркий свет.

Затылок и шея болели так, словно сломаны, а всё его тело обессилело, как будто пылесос высосал из него все силы.

— Я не умер?

Он попытался открыть глаза, но не смог пошевелить и пальцем.

— Воды... воды.

Он хотел пить. Его горло было таким сухим, словно засохшее рисовое поле в засуху, и он не мог толком говорить.

— Доктор, сюда!

— Я прошу воды...

Пиийип. Пиийип. Пиийип. Пиийип.

Машина начала пищать. Он чувствовал, как кто-то раздвигает ему веки, но всё, что он видел, — белый свет.

— Я прошу воды.

— Вы меня слышите? Моргните, если слышите.

— Ты же придурок. Я смогу моргнуть только после того, как ты убережешь свою руку.

На этот раз он почувствовал, как кто-то схватил его за руку.

— Попробуйте сжать руку в кулак.

Кан Чан так отчаянно хотел пить, что изо всех сил попытался пошевелить рукой.

— Хорошо! Очень хорошо!

Он слышал, как люди постоянно говорили, что всё хорошо, но никто так и не дал ему воды.

— Водыыыы.

Как будто снова засыпая, Кан Чан потерял сознание.